

ВЗГЛЯДЪ

на условія развитія церковно-исторической науки у насъ.

Если есть—какъ извѣстно—церковно-историческая наука нѣмецкая, французская, англійская и проч., то конечно должна быть и церковно-историческая наука русская, т. е. развившаяся въ Россіи.

Такая наука должна быть и дѣйствительно есть.

Но къ сожалѣнію, по своимъ достоинствамъ она не только не равняется съ своими иностранными сотоварищами, но и значительно отъ нихъ отстала.

Говоря такъ, мы разумѣемъ состояніе науки касательно такъ называемой общей церковной исторіи, церковной исторіи иностранной, т. е. греческой, латинской, начиная съ древнихъ христіанскихъ временъ, а потомъ церкви католической, протестантской, а не состояніе нашей науки, поскольку она занимается изученіемъ исторіи отечественной—русской церкви. По нашему мнѣнію, мѣриломъ развитія церковно-исторической науки у насъ въ Россіи могутъ служить лишь успѣхи этой науки въ области общей церковной исторіи или иностранной, древней и новой, но не своей собственной. Изученіе этой послѣдней не можетъ быть безошибочнымъ мѣриломъ преуспѣянія церковно-исторической науки въ данной странѣ, даже и въ томъ случаѣ, если изученіе отечественной церковной исторіи въ этой странѣ идетъ успѣшно и съ достоинствомъ. И вотъ почему: нѣтъ, вѣдь, такой христіанской страны, гдѣ отечественная церковная исторія не была бы предметомъ болѣе или менѣе ревностнаго изученія. Нужда такого изученія вытекаетъ часто изъ практическихъ церковно-историческихъ потребностей и интересовъ. Не то

видимъ по отношенію къ общей, обнимающей всѣ христіанскіе народы, церковной исторіи. Не всѣ націи отдаются ея изученію, а только самыя культурныя. Нужно много благоприятныхъ условій, чтобы какой-либо христіанскій народъ отъ изученія своей родной исторіи перешелъ къ изученію не своей исторіи, и достигъ здѣсь извѣстной степени совершенства. Но будемъ говорить исключительно о нашей странѣ.

У насъ не только общая церковная исторія, какъ мы сказали, очень не высока по своимъ достоинствамъ, но и изученіе отечественной церковной исторіи подвигалось туго и медленно. Отчего это такъ случилось? А случилось это донельзя просто: сначала церковной исторіи не знали и не изучали, а когда принялись за ея изученіе, то оказалось, что слишкомъ запоздали этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что западный научный міръ, со свойственными наукѣ эгоизмомъ и безсердечіемъ, шель впередъ, не интересуясь отсталыми, шель и идетъ теперь.

Чтобы нѣсколько освѣтить рассматриваемый вообще печальный фактъ отсталости и несовершенства нашей (т. е. русской) церковно-исторической науки, бросимъ бѣглый взглядъ на судьбу церковно-исторической науки въ нашемъ отечествѣ, при чемъ будемъ имѣть въ виду какъ общую церковную исторію, такъ и исторію по части отечественной церкви.

Начнемъ нашъ очеркъ нѣсколько издалека, ради его возможной цѣлостности. Наши отдаленные предки имѣли скудныя познанія изъ области церковной исторіи. Въ древней допетровской Руси почти совсѣмъ не встрѣчалось книгъ историческихъ. И это понятно. Чтобы имѣть расположеніе къ чтенію историческихъ книгъ, нужно обладать нѣкоторымъ интересомъ къ исторіи, нужно воспитать извѣстнаго рода широту возрѣнія, которое не довольствовалось бы тѣмъ, что есть предъ глазами, но въ большей или меньшей мѣрѣ простиралось бы на человѣчество въ широкомъ смыслѣ слова. Но какое дѣло было нашимъ предкамъ до того, что существовали люди, жившіе когда-то и умершіе, не имѣя къ нимъ никакого отношенія. Для людей непросвѣщенныхъ, какъ наши стародавніе предки, исторія получаетъ интересъ развѣ только тогда, когда она, переставая быть исторіей,

превращается въ занимательную сказку и когда дѣйствительные факты замѣняются въ ней невѣроятными вымыслами и проч. ¹⁾ Но какъ ни мало развитъ былъ у нашихъ предковъ вкусъ къ историческому знанію, они не оставались безъ всякихъ свѣдѣній о прошедшемъ, т. е. по исторіи гражданской и церковной. У нихъ имѣлось нѣсколько, очень немного, излюбленныхъ книгъ, которыя были распространены между ними и пользовались уваженіемъ. Это были книги, переведенныя съ греческаго языка, конечно, не ими самими. Изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія, какъ пользовавшіяся особеннымъ значеніемъ—двѣ византійскихъ хроники, изъ которыхъ одна (Амартола) полюбилась нашимъ предкамъ характеромъ своихъ историческихъ воззрѣній, именно своимъ аскетическимъ міросозерцаніемъ, исполненнымъ вѣры въ чудеса и знаменія, въ откровенія изъ міра загробнаго; а другая (Манассія) правилась имъ-же тѣмъ, что каждую мысль она облакала въ риторическую витиевату форму, тѣмъ,—что ея авторъ былъ такимъ писателемъ, который слова не скажетъ спроста, а все съ ужимкой: чѣмъ больше было въ ней фразистики, искусственнаго витійства, темноватости, тѣмъ больше она приходилась по вкусу непросвѣщенному обществу ²⁾. Другимъ источникомъ знаній для нашихъ предковъ служили такъ называемыя Четьимины. Здѣсь, какъ естественно, церковно-историческій элементъ преобладалъ надъ всякимъ инымъ. Эти житія привлекали вниманіе древне-русскихъ читателей потому же, почему и въ настоящее время малограмотный человекъ на святой Руси это чтеніе предпочитаетъ всякому другому. Міръ чудеснаго и необыкновеннаго, сверхъестественнаго и таинственнаго даетъ пищу религіозной настроенности и подогрѣваетъ религіозное чувство. Память легко удерживаетъ необычайные образы, созданные рукою составителей Четьимины; прочитанное легко было рассказать другимъ, слушателямъ-же пріятно слушать часто фантастическій рассказъ.

Изъ всѣхъ этихъ источниковъ—византійскихъ хронистовъ, Четьимины и тому подобныхъ книгъ почерпали наши предки

¹⁾ Е. Е. Голубинскаго. Исторія русск. церкви. I-го тома, перв. половин., стр. 736. Изд. 2-е.

²⁾ Ф. А. Төрновскаго. Изученіе византійской исторіи въ древней Русі. Вып. I, 118—121. Киевъ, 1875.

свои историческія и церковно-историческія свѣдѣнія; но это не было въ собственномъ смыслѣ знаніемъ: свѣдѣнія, получаемыя изъ подобныхъ источниковъ, носили такъ сказать—утилитарный характеръ. Исторія призывалась давать отвѣты на тѣ наивныя вопросы, какіе возникали въ незрѣлой мысли нашихъ предковъ. Случалось ли имъ быть очевидцами необычайнаго явленія или говоря языкомъ того времени—знаменія на небѣ или на землѣ—ихъ умъ начиналъ тревожить вопросъ: что предзнаменуетъ явленіе? За разрѣшеніемъ недоумѣнія обращались къ ихъ историческимъ книгамъ и въ нихъ искали удовлетворенія своему любопытству. Отвѣтъ почти всегда былъ находимъ, потому что подобное же ранѣе того случилось и въ Византіи, и тамошніе книжники старались дать свое объясненіе явленію, объясненіе большею частію религіозно-таинственнаго характера ¹⁾. Наши предки къ исторіи же обращались за разрѣшеніемъ вопроса: какъ слѣдуетъ относиться къ еретикамъ, которые стали появляться и на Руси? Конечно, преслѣдовать и притѣснять ихъ всѣми силами гражданской власти, не задумываясь много, отвѣчалъ древній книжникъ, послѣ совѣта съ тѣми немногими историческими книгами, какія были у него подъ руками. Возникалъ ли вопросъ о томъ: имѣютъ ли основаніе монастыри пользоваться недвижимыми имуществами, не слѣдуетъ ли имъ отказаться отъ такихъ имуществъ, опять русскій книжникъ за совѣтомъ обращается къ своимъ хроникамъ ²⁾. Вообще, если въ практикѣ назрѣвалъ трудный, новый и возбуждавшій недоумѣнія вопросъ, предки наши начинали усердно читать, находившіяся у нихъ подъ руками, историческія книги. Такимъ путемъ они рѣшили, на примѣръ, вопросъ: какимъ образомъ можно поставлять русскихъ митрополитовъ, не обращаясь за этимъ дѣломъ къ Константинопольскому патріарху, какъ это было въ обычаѣ прежде. Они гдѣ-то прочли, что въ Греціи епископовъ поставляли будто бы нетлѣнною рукою Іоанна Крестителя и потому рѣшили, что и у насъ на Руси можно посвящать новоизбраннаго митрополита главою св. Климента Римскаго ³⁾.

¹⁾ Ф. А. Терновскаго. *Loc. cit.*, 10. 72. 77.

²⁾ Тамъ же. Вып. II, 145—149. Кіевъ. 1876.

³⁾ Тамъ же. Вып. II, стр. 117.

Въ такомъ-то родѣ было знаніе нашихъ предковъ по исторіи вообще, по церковной исторіи въ частности. Немножко знали, потому что знакомы были съ нѣкоторыми переводными хрониками византійскими, четыи-минееми и другими книгами. Но знали не въ интересахъ самаго знанія и собственнаго своего развитія, а въ утилитарныхъ цѣляхъ. Исторія давала готовый образецъ, какъ смотрѣть на то или другое необычайное явленіе природы, какъ поступать въ практикѣ при томъ или другомъ затруднительномъ случаѣ. Это знаніе было совершенно такого же рода, какое находимъ въ настоящее время у нашихъ раскольничьихъ начетчиковъ. Кто сколько-нибудь знакомъ съ раскольничьей литературой старообрядцевъ—совопросниковъ, направленной противъ русской церкви, тотъ не можетъ не поражаться умѣньемъ ихъ выкопать въ историческихъ книгахъ факты, которые какъ нельзя больше—пригодны для ихъ цѣлей, именно для борьбы съ церковію. У какого-нибудь Баронія, плодовитаго церковнаго историка XVI-го вѣка, Зонары, византійскаго историка XII-го вѣка, они отыскиваютъ, съ ревностію достойною лучшаго дѣла, такіе факты, при видѣ которыхъ приходишь въ изумленіе: какъ смогли они докопаться до чего-либо подобнаго? Но это во всякомъ случаѣ еще не исторія и не дѣйствительное значеніе исторіи. Это есть не болѣе, какъ фокусничество, продѣлываемое надъ историческими фактами. Таково вообще было знаніе нашей науки на Руси, пожалуй, до самаго XVIII-го вѣка.

Но и XVIII вѣкъ далъ очень мало условій для развитія церковно-исторической науки. Разомъ, какъ извѣстно, ничего не дается. Нужно было пройти еще не мало времени, прежде чѣмъ стало возможнымъ говорить о церковно-исторической наукѣ, какъ дѣйствительномъ фактѣ. XVIII вѣкъ важенъ въ разсматриваемомъ отношеніи только тѣмъ, что въ это время стали вводить церковную исторію въ кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ школахъ. Въ особенности много заботъ прилагалось къ тому, чтобы она укоренилась въ Славяно-греко-латинской Академіи и въ Троицкой Семинаріи; но и здѣсь она далеко не зацвѣла.

Начало XIX вѣка, какъ извѣстно, ознаменовалось открытіемъ высшихъ духовныхъ школъ. Разумѣемъ, уставъ духовн. Академій 1814 года. Уставъ этотъ пробудилъ къ дѣятельно-

сти дремлющую дотолѣ богословскую мысль. При учрежденіи Академій не забыта была и исторія, какъ наука. Отъ нея на первыхъ же порахъ ожидали даже „философіи исторіи“, но конечно ожиданія эти не сбылись. Во всякомъ случаѣ подѣ сѣнію этого устава появилась наука церковно-историческая и нашлись работники, усердно занявшіеся этою отраслю знанія. Жаль, что ихъ было мало. Уставъ этотъ дѣйствовалъ до конца 60-хъ годовъ прошлаго вѣка ¹⁾. Онъ, конечно, не былъ совершенствомъ, а думать о перемѣнахъ къ лучшему, повидимому, было некому. Въ числѣ его несовершенствъ можно указать хотя бы на слѣдующее. Магистерскихъ диссертаций по богословскимъ наукамъ, а въ томъ числѣ и по церковной исторіи печатаемо не было: магистерская степень, правда, давалась, но за рукописныя диссертации, которыя потомъ сдавались въ архивъ, гдѣ и дѣлались знакомы лишь мышамъ. Что касается докторскихъ диссертаций или сочиненій на степень доктора, то таковыхъ отъ профессоровъ Академіи совсѣмъ не требовалось. Докторская степень тогда давалась отъ Святѣйш. Синода какъ награда, въ родѣ скуфьи, двумъ-тремъ архіереямъ и протоіереямъ въ теченіе каждаго десятилѣтія, часто за очень сомнительныя ученія заслуги, выше которыхъ тогда ставилось такъ называемое направленіе печатныхъ сочиненій и послушаніе начальству. Не было диссертаций тогда; мало существовало въ тѣ времена и духовныхъ журналовъ, въ которыхъ могли бы появляться достойныя имени науки церковно-историческія изслѣдованія. Такихъ журналовъ было—два-три на всю Россію, да и въ нихъ отводилось мало мѣста для статей церковно-историческаго содержанія.

Что-же касается вообще ученой литературы по церковной исторіи, то не слѣдуетъ умалчивать, что таковая литература уже начала появляться въ теченіе первой половины XIX-го вѣка, но она была еще неплодovита и слишкомъ робка въ ея научныхъ результатахъ. Договаривать, что думаешь, до конца считалось тогда дѣломъ слишкомъ смѣлымъ, не осторожнымъ, опаснымъ, преждевременнымъ. Нужно сказать:

¹⁾ Уставъ этотъ нами былъ уже оцѣненъ и указано было его значеніе и для развитія нашей науки. См. мое сочиненіе: „Церковная Исторіографія отъ IV до конца XIX вѣка“, стр. 527—8; 535 и дал. Спб., 1903. Изд. 2-е.

была одна общая причина, которая значительно задерживала прогрессивное движеніе церковно-исторической науки. Въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка смотрѣли на церковную исторію какъ на такую науку, которая должна находиться въ подчиненіи и идти на буксирѣ за догматическимъ богословіемъ; вслѣдствіе чего ея положеніе было служебнымъ и зависимымъ: отъ церковной исторіи требовали, чтобы она услужливо подтверждала тѣ истины, которыя въ качествѣ непогрѣшимыхъ доктринъ приняты были и возвѣщались въ догматическомъ богословіи. Задача церковной исторіи суживалась, порывы ея къ самостоятельности изслѣдованія всячески сдерживались. Московскій митрополитъ Филаретъ, пользовавшійся въ тѣ времена величайшимъ авторитетомъ въ дѣлахъ нашей церкви и ея науки, не смотря на его обширный умъ и даже геніальность—въ чемъ ему нельзя отказать—питалъ непонятное нерасположеніе (если не будемъ этого объяснять схоластическимъ его образованіемъ) къ церковно-исторической наукѣ и относился къ ней съ пренебреженіемъ и пожалуй съ подозрѣніемъ. Вообще онъ какъ будто совершенно не понималъ широкихъ просвѣтительныхъ задачъ, принадлежащихъ церковно-исторической наукѣ, какъ это онъ очень ясно выразилъ на одномъ изъ экзаменовъ по этому предмету въ Московской Духовной Академіи, въ 30-хъ годахъ. Выслушивая отвѣты студентовъ по церковной исторіи, на основаніи лекцій профессора Ал. В. Горскаго, извѣстнаго ученаго, Филаретъ, обращаясь къ этому послѣднему, съ гнѣвомъ сказалъ: „что такое духъ христіанскаго общества, о которомъ мнѣ приходится слушать“?—„Могли ли Вы сами обнять и изслѣдовать духъ христіанства? Могли ли вмѣстить это головы вашихъ студентовъ? Нынѣ странное направленіе въ исторіи: смотрять на человѣчество, какъ на одного человѣка, усваиваютъ ему то это, то другое направленіе. Боскетъ (католическій писатель и проповѣдникъ временъ Людовика XIV-го) имѣлъ вѣрный взглядъ на исторію, а другимъ не захотѣлось все сводить къ христіанству: они выдумали каждому вѣку своихъ представителей, каждому народу свои идеи. Все это *пустяки*“, заключилъ свою діатрибу митр. Филаретъ ¹⁾. Разумѣется,

¹⁾ С. К. Смирнова. Исторія Моск. дух. Академіи до ея преобразованія, стр. 199. М. 1879.

никто изъ присутствовавшихъ ничего не возразилъ на эти слова, каждый твердо ихъ запомнилъ. Сановитый экзаменаторъ представлялъ себѣ какую то необыкновенную исторію— безъ идей, безъ направленій, безъ главныхъ представителей. Но возможна ли такая исторія, какъ наука? Этого вопроса суровый экзаменаторъ не бралъ труда задать себѣ. При существованіи же такихъ историческихъ вкусовъ, какъ вкусъ Филарета, разрабатывать науку было очень трудно. Приходилось довольствоваться подлинно „пустяками“. — Позволимъ себѣ привести другой фактъ въ томъ же родѣ и изъ того же времени. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является опять митрополитъ Филаретъ. Въ Московской Дух. Академіи въ 1836-омъ году блестяще кончилъ курсъ—первымъ— нѣкто Рудневъ, который тотъ-часъ же и назначенъ былъ бакалавромъ (по теперешнему доцентомъ) Академіи. Его магистерское сочиненіе: „О ересяхъ и расколахъ въ Русской церкви до Грознаго“ найдено было прекраснымъ: сочиненіе опредѣлено было напечатать (хотя тогда магистерскія диссертациі вообще не печатались), а автору выдать премію имени графа Румянцова. Но случилось такъ, что книга окончательно явилась въ свѣтъ только чрезъ нѣсколько лѣтъ. Выдача же преміи оттянулась на неопредѣленное время. Вотъ что именно произошло: прежде печатанія митр. Филаретъ потребовалъ къ себѣ рукопись на просмотръ. Просмотръ эготъ кончился не въ пользу автора. Митрополитъ остался недоволенъ нѣкоторыми отдѣльными выраженіями, наприм. по поводу фразы историка Руднева: „русская церковь богата раскольниками“, онъ сдѣлалъ отмѣтку: „неприличная насмѣшка“; а замѣну авторомъ употребительнаго тогда выраженія: „греко-россійская церковь“ другимъ, имѣвшимъ менѣе правъ гражданства, именно выраженіемъ: „греко-русская церковь“ критикъ святитель призналъ „угодничествомъ нѣкоторымъ журналистамъ“ и т. д. въ томъ же родѣ. Историкъ Рудневу приказано было снова пересмотрѣть сочиненіе, и затѣмъ отдать его въ духовную цензуру. Такъ и было сдѣлано. Затѣмъ Академія переправила сочиненіе въ типографію для печатанія. Но митрополитъ, узнавъ объ этомъ, потребовалъ къ себѣ вторично сочиненіе: оно было представлено ему частію въ печатныхъ листахъ, частію въ рукописи. Разсмотрѣвъ его, Филаретъ опять остался недо-

воленъ и печатными листами и рукописью. Онъ предписалъ Академіи тщательно исправить сочиненіе, а потомъ печатать. Академія въ точности исполнила волю московскаго іерарха. Исполнивъ эту волю, Академія легко вздохнула—и думала, что дѣло наконецъ окончилось. Но не тутъ-то было. Въ сущности оно только-что еще началось. Ознакомившись съ печатнымъ экземпляромъ книги Руднева, Филаретъ нашелъ въ ней новые недостатки. Академіи митрополитъ сдѣлалъ выговоръ и прислалъ на имя академической конференціи (т. е. совѣта) резолюцію слѣдующаго содержанія: „1) Сочиненіе о ересьяхъ и расколахъ разсмотрѣть вновь (это послѣ напечатанія-то!) и представить ему съ мнѣніемъ; 2) обратить вниманіе на цензора книги—годенъ ли онъ къ своей должности ¹⁾; 3) немедленно взять книгу на храненіе и строгій присмотръ конференціи, чтобы она отнюдь не была распространяема“. Можно подумать, что митр. Филаретъ открылъ въ книгѣ и невѣсть какія ереси? Ни чуть не бывало. Онъ, наприм., оказался недоволенъ слѣдующей фразой: „съ XI-го вѣка единая соборная и апостольская церковь раздѣлилась на церковь восточную и западную“. Для современныхъ поколѣній, конечно, не понятно: что дурнаго въ этой фразѣ? Дурнаго въ ней то, что она расходилась со взглядами догматическаго богословія, которое утверждаетъ, что въ каждое данное время возможна одна церковь, т. е. истинная церковь, а потому выраженіе: „единая церковь раздѣлилась на церковь восточную и западную“—не во вкусъ догматическаго богословія. Митрополиту также крайне не понравилась слѣдующ. фраза: „нельзя отвергать пользы и важности церковныхъ преданій, но и нельзя доказывать совершенной ихъ необходимости, потому что свящ. Писаніе заключаетъ въ себѣ все необходимое для нашего спасенія“. Очевидно, митр. Филаретъ усмотрѣлъ здѣсь уступчивость въ пользу протестантства, отвергающаго свящ. преданіе и приписывающаго авторитетъ лишь Библии. Въ подобномъ же родѣ были указаны митр. Филаретомъ и другія прегрѣшенія книги Руднева. Откровенно говоря, всѣ такого рода промахи рассматриваемой книги у современнаго читателя—даже бого-

¹⁾ Нужно сказать, что духовно-цензурный комитетъ существовалъ тогда при Академіи и состоялъ почти изъ однихъ профессоръ ея.

слова—вызываютъ лишь улыбку: такъ они мелочны. Но не до смѣху было Академіи. Согласно приказанію начальства она принялась выправлять печатную книгу и притомъ торжественно, согласно буквѣ Филаретовскаго приказа. Получалась картина чуть не изъ временъ инквизиціи. Книга вся сполна была прочитана въ засѣданіяхъ конференціи, т. е. въ присутствіи всѣхъ профессоровъ, въ теченіе трехъ дней. Можно себѣ представить положеніе бакалавра Руднева! Что онъ при этомъ перечувствовалъ, особенно принимая во вниманіе, что владыка шутить не любилъ. Конференція постановила перепечатать нѣкоторые отдѣлы въ книгѣ, а цензору сдѣлать строгое замѣчаніе. Затѣмъ книга Руднева съ надлежащимъ академическимъ представленіемъ еще разъ поступила на строгій судъ неумолимаго критика. Митрополитъ Филаретъ принялся за это дѣло—и какъ онъ самъ выражается: „не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать новыхъ замѣчаній“ и затѣмъ прибавляетъ: „вижу, что поправокъ надобно сдѣлать больше, нежели предположила Академія. *Не пришлете ли мнѣ о семъ другаго* проэкта“? Значитъ, каша снова заварилась. Филаретъ при этомъ находилъ, что вновь открытые имъ недостатки, если ихъ не исправить, могутъ причинять вредъ читателямъ и уронить честь Академіи. Но изъ прежде приведенныхъ образцовъ мы уже знаемъ: каковы эти недостатки и чего они стоятъ! Конференція Академіи, въ угоду взыскательному начальству, паки и паки засѣла за исправленіе всей книги Руднева. Послѣ сего книга и проэктъ измѣненій въ ней еще разъ очутились на письменномъ столѣ митрополита. Проэктъ предполагаемыхъ измѣненій въ книгѣ наконецъ былъ имъ одобренъ. Книга послѣ многихъ мытарствъ наконецъ увидѣла свѣтъ. Но очень ошибается тотъ, кто будетъ думать, что критикъ теперь остался доволенъ книгой. Этого на самомъ дѣлѣ не было. Когда Академія письменно просила разрѣшенія у митрополита пустить книгу въ продажу, онъ написалъ такую резолюцію: „согласенъ, потому что надобно кончить дѣло“ (только поэтому?)—и прибавляетъ: „если сочиненіе доживетъ до 2-го изданія, то надобно цензуровать его съ полною строгостію“. Интересно было бы узнать: возможна ли еще бѣлая строгость, чѣмъ какою уже подверглась несчастная

книга: „о ересяхъ и расколахъ въ Русской церкви!“¹⁾ Такимъ образомъ печальная исторія печатанія названной книги, начавшись въ 1837 году, закончилось лишь въ 42-мъ. Одну несомнѣнную пользу принесли тѣ мытарства, какія извѣдала книга: исторія съ книгой огласилась и послѣ поступленія этой послѣдней въ продажу, книга раскуплена на расхватъ. Впрочемъ—прошу вниманія. Митр. Филаретъ въ дѣйствительности не такъ ужъ виноватъ тутъ, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Виноватъ духъ того времени. Это были времена т. н. Николаевскія, когда выше всего цѣнились: дисциплина, униформа, послушаніе, отсѣченіе своей воли, молчаніе, по возможности неимѣніе своего сужденія. Это была эпоха, когда каждое изъ безчисленныхъ вѣдомствъ имѣло свою цензуру, которая многоочито смотрѣла, какъ бы какая нибудь книга или газета не затронула чести того или другаго вѣдомства. А къ довершенію страха существовало тогда еще учрежденіе, которое имѣло своимъ назначеніемъ контролировать дѣйствія вышеуказанныхъ цензуръ и являлось цензурой надъ цензурами²⁾. Да, духъ времени требовалъ, чтобы руки были по швамъ. Замѣчательно, что въ тѣ времена самъ Филаретъ былъ на плохомъ счету и подозрѣваемъ былъ (*horribile dictu!*) въ либерализмъ! Но отъ всего этого не легче было литературѣ вообще, богословской въ частности.

Но вотъ кончились т. н. Николаевскія времена... Наступило великое освободительное царствованіе Александра II. Въ это царствованіе и богословская наука поставлена была на путь прогресса и свободы; и для этой науки настало своего рода 19-ое февраля. Безспорную эпоху въ развитіи церковно-исторической науки, какъ отрасли богословскихъ наукъ, составляетъ новый уставъ духовныхъ Академій, введенный въ дѣйствіе въ 1869-мъ году, т. е. волею Алек-

¹⁾ С. К. Смирнова. Тамъ же, стр. 216 и дал.

²⁾ „Такъ называемый Комитетъ 2 апрѣля 1848 г. явился высшею контролирующей цензурой надъ всѣми дѣйствіями цензуръ обыкновенныхъ“ (а ихъ было множество). Пыпина. Характеристика литератур. мнѣній. „Вѣст. Евр.“, 1873, июль, стр. 239—240. О свирѣпствѣ дух. цензуры тѣхъ же временъ можно читать въ статьяхъ г. Котоича („Христ. Чт.“, 1906 т. II и 1907, т. I).

сандра II-го. Уставъ этотъ благопріятно отразился на положеніи церковно-исторической науки ¹⁾.

Но недаромъ одна русская пословица гласить: „законы святы, а исполнители супостаты“. Отъ измѣненій, произведенныхъ въ духовной школѣ и наукѣ указаннымъ уставомъ, можно было бы ожидать болѣе благихъ послѣдствій, чѣмъ сколько таковыхъ оказалось на дѣлѣ. Какъ извѣстно, всѣ великія реформы царствованія Александра II-го съ теченіемъ времени стали тускнѣть и затираться. Тоже случилось и съ рассмотрѣнной реформой высшей духовной школы ²⁾, хотя никто не будетъ отрицать того, что основной тонъ указанныхъ реформъ остается и, конечно, навсегда останется неизмѣненнымъ. Контрреформа нѣкоторыхъ добровольцевъ повредила главнымъ образомъ детали преобразованной духовной школы; но и это не могло не отозваться очень невыгодно на ростѣ еще столь молодой церковно-исторической науки въ Россіи.

Лица, власть имѣющая, вступили на путь всяческихъ урѣзокъ; начались стѣсненія, слишкомъ неблагожелательный контроль, недоброжелательство, явныя подозрѣнія—да и мало чего: всего не перечесть. Наступили времена регресса. Появились признаки, которые стали напоминать отошедшія уже въ область преданія—николаевскія времена. Вообще, при оцѣнкѣ религіозной науки въ концѣ XIX вѣка, намъ приходится говорить опять о печальныхъ явленіяхъ, а потому мы постараемся быть краткими: въ наше время не чего предаваться пессимизму.

Наша рѣчь будетъ идти о явленіяхъ, относящихся къ об-

¹⁾ Впрочемъ за подробностями по этому вопросу отсылаемъ читателя къ вышеупомянутому нашему сочиненію: „Церковная Исторіографія“ и т. д., стр. 539—542.

²⁾ Здѣсь мы разумѣемъ прежде всего новый уставъ духовн. Академіи, изданный въ 1884 году и формально доселѣ не отмѣненный. Онъ имѣлъ въ виду дать ходъ богословскимъ наукамъ въ тѣсномъ смыслѣ, предпочтительно предъ церковно-историческими (Для этого нужно вчитаться въ этотъ Уставъ и объяснительную записку къ нему, къ сожалѣнію не имѣющуюся у меня подъ руками). Но этой цѣли онъ не достигъ, такъ какъ невыгодныя его стороны отразились неблагопріятно на всѣхъ наукахъ, преподающихся въ Академіяхъ. Усиленный контроль надъ диссертациями со стороны ректора, митрополита, нарочитыхъ рецензентовъ, назначаемыхъ отъ Синода и часто некомпетентныхъ,—и самого Синода, заугивавъ научныхъ изслѣдователей.

ласти духовныхъ Академій, такъ какъ научная жизнь, поскольку она касается церковной исторіи, развивается именно въ нихъ; что же касается русскихъ университетовъ, то, хотя въ нихъ съ 60-хъ годовъ и отведено мѣсто преподаванію церковной исторіи, но университеты наши не участвуютъ и не оказываютъ вліянія на движеніе и судьбу церковно-исторической науки.

Измѣненія къ худшему состоянію нашей науки выразились въ слѣдующемъ: появились правила, имѣющія цѣлю стѣснить нашу науку ¹⁾. Такъ наложена тяжелая рука на свободу въ выборѣ темъ для изслѣдованія. Молодымъ магистрантамъ запрещено писать о всѣхъ еретикахъ древняго времени и ихъ сочиненіяхъ; не дано права писать о реформаторахъ—Лютерѣ, Кальвинѣ, Цвингли, Виклефѣ и пр. Такія темы изъяты изъ числа темъ на степень магистра (стр. 3). О подобныхъ предметахъ могутъ-де трактовать только пожилые ученые. Въ разсматриваемыхъ правилахъ, потомъ повторенныхъ для надлежащаго свѣдѣнія, воспрещено въ ученыхъ сочиненіяхъ хвалить за что бы то ни было на прим. католиковъ, протестантовъ и русскихъ раскольниковъ (стр. 4). Болѣе или менѣе точно регламентировано: какихъ частныхъ мыслей не слѣдуетъ развивать въ будущихъ сочиненіяхъ; такъ предписано всячески избѣгать своихъ собственныхъ взглядовъ на исторію вселенскихъ соборовъ (стр. 6), раскрытыхъ мною въ сочиненіи: „Всел. соборы IV и V вѣковъ“ ²⁾. А также повелѣно какъ можно менѣе имѣть дѣла съ иностранными богословскими книгами, а предпочтительно руководствоваться святоотеческими твореніями (стр. 3. 8). Къ сочиненіямъ, которыя пишутся на ученые богословскія степени, въ недавнее время примѣнялись всякаго рода репрессивныя мѣры. Приказывали во 2-омъ изданіи измѣнять въ нихъ тѣ или другія мѣста. На прим., изъ сочиненія: „Констан-

¹⁾ Разумѣемъ правила, розданныя профессорамъ дух. Академій для руководства, подъ заглавіемъ: *Правила для разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ на соисканіе (?) ученыхъ богословскихъ степеней*. Правила санкціонированы св. Синодомъ и появились въ 1889 году (См. журналы Сов. М. Д. Акад., 1889, стр. 36). Я храню этотъ реакціонный документъ и при случаѣ перепечатаю его съ приличнымъ комментариемъ. „Правила“ занимаютъ восемь страницъ.

²⁾ Москва, 1885.

тинопольскіе патріархи отъ халкидонскаго собора до Фотія“ (Серг. П.) приказано было изгладить слова: „онъ былъ худъ какъ щепка“, употребленныя авторомъ о св. Іоаннѣ Пестникѣ, хотя эти слова находятся въ древнемъ греческомъ жизне-описаніи святителя и составляютъ буквальный переводъ отсюда.

Когда въ обходъ правилъ появилось въ свѣтъ магистерское сочиненіе, подъ заглавіемъ: „историческая судьба сочиненій Аполлинарія Лаодикійскаго“ (Серг. Пос., 1895), то Св. Синодъ снова повторилъ свое постановленіе, чтобы въ Академіяхъ не давались для диссертаций темы, „направляющія сочинителя къ изученію какой-либо ереси или какого-либо ложнаго ученія“ ¹⁾. Стали проваливать сочиненія, написанныя для полученія степени магистра или доктора, если что-нибудь въ нихъ не нравилось духовному начальству. Магистерское сочиненіе на тему: „Религіозное, общественное и государственное состояніе Евреевъ во времена Судей“ (Спб., 1886), только появившись въ 2-мъ изданіи, доставило автору-профессору искомую имъ степень. А магистерское сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Исторія канонизаціи Русскихъ святыхъ“ ²⁾ совѣмъ было забраковано св. Синодомъ; причѣмъ одинъ изъ членовъ Синода, официально мотивируя отказъ, указывалъ на то, что авторъ, трактуя о канонизаціи, обнаруживаетъ мало благоговѣнія къ предмету изслѣдованія. Другому автору, напечатавшему сочиненіе, для пріобрѣтенія степени доктора, подъ заглавіемъ: „Характеръ отношеній Россіи къ Греческому православному Востоку“ ³⁾, не дано искомой степени высшимъ начальствомъ между прочимъ потому, что въ своей книгѣ онъ рассказалъ исторію о томъ, какъ во времена Петра I-го обнаруженъ былъ одинъ прискорбный обманъ: отъ Греческой церкви въ Россію былъ присланъ ковчегъ, заключающій будто бы часть главы мученика Христофора, но въ которомъ оказалась простая слоновая кость, нашедшая себѣ потомъ мѣсто въ кунстъ-камерѣ ⁴⁾. Авторъ неугодной книги впослѣдствіи написалъ

¹⁾ Журналы совѣта М. Д. Акад., 1896 г., стр. 34—35.

²⁾ Напечатано въ „Чтен. Общ. Исторія и древностей“ за 1893 г. и отдѣльно.

³⁾ Москва, 1885 г.

⁴⁾ Приложенія къ книгѣ, стр. 50. Поставлено, кромѣ того въ вину автору то, что книга будто-бы благопріятствовала нашему расколу.

другое, очень незавидное сочиненіе—и былъ за него, какъ за безвредное, удостоенъ искомой высшей ученой степени, доктора церковной исторіи. Встрѣчались и другіе случаи столь же или еще болѣе прискорбные. Участникъ въ изданіи книги: „Три первые вѣка христіанства“¹⁾ обрѣлъ неблаговоленіе въ очахъ начальства тѣмъ, что, вслѣдъ за Гогенбахомъ, осмѣлился утверждать, что лучшіе, благоразумнѣйшіе римскіе императоры преслѣдовали христіанъ, а глупые между ними мирволили христіанамъ; выраженіемъ указаннаго неблаговоленія было то, что вышеуказанное лицо, профессоръ Академіи, за свое сотрудничество съ кафедрой церковной исторіи вынужденъ былъ низойти на кафедру еврейскаго языка. Еще. Авторъ, бывшій одновременно профессоромъ и въ дух. Академіи и въ Университетѣ, за написанную имъ книгу: „Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ“²⁾, былъ лишенъ кафедры въ Академіи; его книга возбудила неудовольствіе какъ тѣмъ, что въ ней приведенъ былъ въ греческомъ оригинальномъ текстѣ одинъ памфлетъ VIII-го вѣка противъ иконопочитанія, такъ и тѣмъ, что будто автору вздумалось сказать, что причисленіе къ лику святыхъ въ древней Византіи имѣло одинаковое значеніе съ награжденіемъ въ наше время орденомъ. Было бы излишне пускаться въ разборъ инкриминированныхъ мѣстъ книги³⁾. Замѣтимъ одно: лишившись академической кафедры и оставшись съ одной университетской кафедрой, мало его обезпечивавшей (онъ былъ здѣсь доцентомъ), авторъ-профессоръ впалъ въ тяжкія матеріальныя лишенія и подъ ихъ бременемъ вскорѣ умеръ. Книги, заподозрѣнныя начальствомъ, подвергались и еще разнаго рода репрессаліямъ. Онѣ или не допускались въ семинарскія бібліотеки (такъ было съ моимъ вышеназваннымъ сочине-

1) Кіевъ. 1878.

2) Кіевское издан. 1883.

3) Замѣтимъ однакожь, что послѣдняя мысль есть явное преувеличеніе. Авторъ лишь склонялся къ воззрѣнію, что канонизація, напр., святителей въ византійское время условливалась не столько подвигами и заслугами, сколько высокимъ іерархическимъ положеніемъ канонизируемаго лица, а это близко къ истинѣ. Это вполне подтверждаетъ и проф. Е. Е. Голубинскій: „Исторія канонизація святыхъ въ русской церкви“, стр. 16—17. Москва. 1903.

ніемъ ¹⁾ и съ книгой проф. Голубинскаго: „Исторія Русской церкви“ и съ сочиненіями другихъ историковъ), или же этого рода книги предписано было цензурѣ не допускать къ выпуску вторыми изданіями.

При вышеперечисленныхъ тягостныхъ условіяхъ стали обнаруживаться въ состояніи нашей науки болѣзненные симптомы. Одни церковные историки, принявшіеся-было энергически разработывать науку, потомъ совсѣмъ бросили писать *страха ради іудейска*; другіе писатели по церковной исторіи, по тѣмъ же побужденіямъ, начали въ своихъ сочиненіяхъ принаравляться къ вѣяніямъ времени и измѣнили интересамъ науки, хотя въ началѣ ученаго поприща обѣщали другіе—лучшіе плоды; третьи, принимаясь писать докторскія сочиненія, выдумали избирать узко-спеціальныя и безотрадные темы, наприм., „Христіанская Нубія“, или „Блажен. Діодохъ, еписк. Фотики древняго Епира и его творенія“—5-го вѣка (Діодохъ—это имя, никому невѣдомое, едва-едва знакомое даже специалистамъ). Съ такими, не привлекающими вниманія т. н. большой публики, темами дѣло пріобрѣтенія докторской степени идетъ глаже и спокойнѣе ²⁾.

Говоря устарѣлымъ языкомъ, яблокомъ раздора между представителями церковно-исторической науки у насъ и духовными властями, являющимися судіями надъ ними, служить, какъ мы это видѣли выше, больше всего догматическое богословіе. Духовныя власти очень опасаются, что историки, пользуясь удобнымъ или неудобнымъ случаемъ, посягнуть на ту или другую истину православія, содержащуюся въ нашемъ догматическомъ богословіи. Всѣ старанія духов-

¹⁾ Въ извѣстномъ сборникѣ: *Духовная школа* (М. 1906) есть разсказъ, очевидно относящійся къ одной изъ М. Семинарій. Инспектура начала отбирать нелегальную литературу у семинаристовъ и въ числѣ другихъ трофеевъ инспекторскаго штурма оказалось и сочиненіе: „Вселенскіе соборы IV и V вѣк.“ (Для успокоенія мнительнаго читателя замѣчу, что книга эта въ 1905 году, къ нашему удивленію, внесена Учебнымъ Комит. при Синодѣ въ число сочиненій, спеціальнo одобренныхъ для дух. семинарій).

²⁾ Нужно сказать, что съ 1900 года, съ появленіемъ новаго лица на предсѣдательскомъ мѣстѣ въ св. Синодѣ, провалѣ докторскихъ и магистерскихъ диссертаций *за направленіе* окончательнo прекратился. Честь и слава тому, кто положилъ конецъ преслѣдованію богословской науки и ея представителей.

ныхъ властей наклоняются въ ту сторону, чтобы не дать возможности церковнымъ историкамъ возобновить, пересадить или внѣдрить какое-либо заблужденіе, понимая подъ такого рода заблужденіемъ очень многія отступленія, имѣющія лишь малое отношеніе къ существу догматическаго богословія. Но возникаетъ вопросъ: можно ли считать нашихъ представителей духовной власти болѣе компетентными судьями по вопросамъ богословія, чѣмъ писателей церковно-историческихъ сочиненій, принимая въ особенности во вниманіе, что и эти послѣдніе по своей природѣ тоже богословы? У извѣстнаго публициста В. В. Розанова мы встрѣтили повѣствованіе, которое даетъ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ. Въ этомъ повѣствованіи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является несомнѣнно покойный проф. В. В. Болотовъ; второе дѣйствующее лицо мнѣ неизвѣстно. Фонъ картины не безъ ошибокъ, но сущность сказанія очень правдоподобна. Розановъ пишетъ: „Мнѣ передавали рассказъ изъ жизни знаменитаго, недавно умершаго профессора церковной исторіи въ Петербургской Академіи: готовясь держать экзамень на степень доктора (очевидная ошибка!), онъ жилъ въ одной квартирѣ съ бакалавромъ (анахронизмъ) академіи изъ пріявшихъ монашеской чинъ и готоваго вскорѣ стать архіереемъ (теперь архіерей, прибавляетъ Розановъ). Шутя онъ спрашивалъ товарища, какъ надо „исповѣдовать“ ту-то или ту-то истину; тотъ отвѣчалъ осторожно, путаясь. „Ересь“ на десятомъ словѣ съ торжествомъ перебивалъ его знатокъ: „это мнѣніе было осуждено такимъ-то правиломъ такого-то собора“. И о чемъ еще онъ не спрашивалъ теперешняго архіерея, тотъ не могъ ни о чемъ безъ еретичества сказать. Когда воссоединяли съ православіемъ сиро-халдеевъ, то чинъ ихъ пріятія, т. е. чинъ отреченія отъ несторіанской ереси и чинъ исповѣданія Православія, могъ составить только единственно этотъ ученый. Всѣ прочіе спутались бы, сбились; и сами впали бы и сирохалдеевъ ввели бы въ какую-нибудь изъ бывшихъ или въ новую ересь“ ¹⁾). Нѣкоторые подумаютъ, что въ особенности въ послѣднихъ словахъ явное преувеличеніе; но это не совсѣмъ такъ. Дѣло въ томъ, что у насъ нѣтъ символическихъ книгъ со строго выработаннымъ со-

1) Около церковныхъ стѣнъ. Томъ I. 270—271. Спб. 1906.

держаніемъ, въ которыхъ бы истины вѣры были строго-формулированы и выражены точнымъ языкомъ. У насъ многіе считаютъ себя догматистами, и однакожь несомѣнно не выдержать экзамена даже у учениковъ покойнаго профессора В. В. Болотова. Намъ извѣстенъ слѣдующій интересный фактъ. Одинъ русскій архіерей, конца XIX вѣка, написалъ книгу, подъ многознаменательнымъ заглавіемъ: „Догматическое богословіе“ (Ч. I—II. 1886—7 г.), представилъ ее для приобрѣтенія степени доктора православнаго Богословія (изъ сего видно, что онъ уже имѣлъ степень магистра Богословія); но ему было отказано въ этомъ, на томъ, между прочимъ, основаніи, что его „Догмат. богословіе“ не согласовалось съ православнымъ ученіемъ. Точный отчетъ обо всемъ можно находить въ „протоколахъ Совѣта Моск. дух. Академіи“. Профессоръ-рецензентъ усмотрѣлъ въ книгѣ: „примѣры, свидѣтельствующіе о нетвердости *догматическихъ* знаній и неясности догматическихъ понятій автора“. Первый указываетъ, что второй неправильно представляетъ себя „дѣйствія таинства крещенія“, что онъ въ ученіи о перво-родномъ грѣхѣ впадаетъ въ пелагианское заблужденіе, что также не различаетъ Символовъ вѣры отъ Исповѣданій вѣры, т. е. точныхъ и обязательныхъ источниковъ вѣры отъ менѣе точныхъ и т. д. ¹⁾ Такимъ архіереемъ, несвѣдущимъ въ истинахъ вѣры, былъ теперь уже покойный Рязанскій епископъ Іустинъ Полянскій († 1894). Такимъ образомъ видно, что не всегда-то судіи наши стоятъ выше подсудимыхъ.

Вообще, по нашему мнѣнію, требованіе, чтобы церковно-историческая наука являлась какою-то служанкой догматическаго богословія, понимаемаго, какъ хотятъ,—въ самомъ широкомъ смыслѣ, основывается на какомъ-то прискорбномъ недоразумѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, мы вполне понимаемъ, когда намъ говорятъ, что догматика русская должна быть православна, догматика протестантовъ протестантична и т. д.; потому что догматика есть наука сепаративная, стремящаяся отдѣлить себя непроходимую пропастью отъ всякой другой догматики. Напротивъ, церковная исторія, какъ дѣйствительная наука, не можетъ и не должна служить никакимъ ча-

¹⁾ Журналы Совѣта Моск. дух. Акад. за 1889 г., стр. 72—74. (Изъ рецензій проф. А. Д. Бѣляева).

стнымъ сепаративнымъ интересамъ. Всѣ церкви, всѣ христіанскія общества разсматриваются въ ней, какъ единая семья, какъ единый народъ Божій. Не ея дѣло дѣлать христіанскіе народы, подлежащіе ея изученію, на овецъ и козлищъ. Она должна показать, какія перемѣны во всѣхъ отношеніяхъ случались въ церкви христіанской, при какихъ условіяхъ возникли извѣстныя христіанскія общества; но третировать одни общества, какъ ложно-христіанскія, другія, какъ истинно-христіанскія—дѣло не церковной исторіи. Polemica между церквами происходитъ не на почвѣ церковно исторической, а на почвѣ сепаративно-догматической, потому что съ точки зрѣнія исторіи всѣ церкви—явленія исторически истинныя. Церковная исторія есть среда, гдѣ примиряются всѣ противоположности вѣроисповѣданій, какъ догматика есть, напротивъ, среда, гдѣ живетъ духъ вѣроисповѣдной вражды. Въ самомъ дѣлѣ, потребуемъ одного, чтобы историкъ былъ безпристрастенъ и тогда православная исторія найдетъ правую себя, католическая себя, протестантская себя, потому что каждое изъ этихъ явленій возникло вслѣдствіе непреложныхъ законовъ своего развитія. Онѣ не могутъ быть ни правы, ни виноваты въ томъ, чѣмъ онѣ суть на самомъ дѣлѣ. Отдѣльныя церкви суть явленія, возникшія и выработавшіяся путемъ историческимъ, помимо ихъ воли, и потому требуютъ отъ историка полного дружелюбія и братолюбія. Церковно-историческая наука стоитъ за истину историческую, а не за истину вѣроисповѣдную: первая одна, а вторая дробится.

Наша небольшая работа закончилась. Теперь Духовныя Академіи, благодаря измѣнившимся условіямъ жизни, стали на болѣе удобный и торный путь развитія науки. Въ добрый часъ!

А. Лебедевъ.
